С.Г. Коростелев, аспирант кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: sgkorostelev@gmail.com

ГАЗЕТА «НОВАЯ ЖИЗНЬ» (1917—1918) И ЦЕНЗУРНЫЕ УСЛОВИЯ В РОССИИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ

Исследуя историю газеты «Новая жизнь» (1917—1918), автор делает акцент на трех ее временных приостановлениях и окончательном закрытии в июле 1918 г. Взаимоотношения «Новой жизни» с властями показаны сквозь призму официальных постановлений о печати, которые принимались Временным правительством после Февральской революции и Советом народных комиссаров после Октябрьской революции.

Ключевые слова: *«Новая жизнь», Февральская революция, Временное правительство, Октябрьская революция, Совет народных комиссаров.*

Exploring the history of the newspaper «Novaya zhizn» (1917—1918), the author focuses on three of its temporary suspensions and final closure in July 1918. The relationship of «Novaya zhizn» with the authorities are shown through the prism of the regulations on printing, which were adopted by the Provisional government after the February revolution and the Council of people's Commissars after the October revolution.

Key words: *«Novaya zhizn», February revolution, Provisional government, October revolution, Council of people's Commissars.*

Введение

Резкая критика в адрес большевиков, с которой после Октябрьской революции обрушилась социал-демократическая газета «Новая жизнь» (1917—1918), не только предопределила закрытие газеты советской властью — среди других оппозиционных изданий — летом 1918 г., но и на многие десятилетия фактически вычеркнула «Новую жизнь» из *официальной* истории отечественной журналистики и общественной мысли. А на прямом, образцовом и героическом пути классика соцреализма Максима Горького, возглавлявшего «Новую жизнь» и многократно осуждавшего на ее страницах лидеров партии (Ленина, Троцкого, Зиновьева), советские исследователи не нашли места для цикла статей «Несвоевременные мысли», который и составил главную славу газеты и который не включался в «полные» собрания сочинений писателя.

Глубокое, объективное изучение «Несвоевременных мыслей» и других новожизненских статей Горького, а следовательно, и всей истории газеты началось лишь в 1967 г.: в сборнике «Мосты», изданном в Мюнхене к 50-летию русской революции, вышла статья

Г. Ермолаева. В России первое полное издание книги «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре», которую составили в основном новожизненские статьи Горького, увидело свет в эпоху перестройки.

Архив «Новой жизни» не разыскан, и, скорее всего, утерян он безвозвратно. В этой связи основными источниками изучения истории «Новой жизни» и, в частности, цензурных санкций, которые применялись к газете, являются: 1) сами сохранившиеся номера «Новой жизни»; 2) 11—12 тома полного собрания писем Горького, которые были изданы в первой половине 2000-х гг.; 3) 3 выпуск «Летописи литературных событий в России конца XIX — начала XX в.»; 4) мемуары очевидцев событий, таких, как З.Н. Гиппиус. Используя все указанные выше источники, а также сведения, почерпнутые в Архиве А.М. Горького, мы постарались осветить отношения «Новой жизни» и цензурных органов.

Для решения поставленной задачи мы применяли, главным образом, исторические методы: нарративный, или описательный; историко-сравнительный и историко-системный. Наконец, историко-генетический метод, рассматривающий процесс образования и становления явления, позволил нам проанализировать развитие «Новой жизни»: какие задачи ставила перед газетой редакция, как видоизменялась тактика идеологической борьбы во время революционных событий в России, что стало причиной трех приостановлений и окончательного закрытия «Новой жизни».

История «Новой жизни»

Первый номер газеты — органа социал-демократов-интернационалистов в основном меньшевистского толка — увидел свет 18 апреля 1917 г. в Петрограде. Редактором газеты был М. Горький, издателем — его давний соратник А.Н. Тихонов. Ведущими публицистами «Новой жизни» — помимо самого Горького — стали сотрудники горьковского журнала «Летопись» (1915—1917) В. Базаров, Н. Суханов, В. Строев, Б.В. Авилов, Н.А. Рожков; близкие к меньшевикам (Л. Мартову, И.Г. Церетели), они и составили ядро редакции.

Создание свободной, неподцензурной социал-демократической газеты, способной правдиво реагировать на события, происходящие в стране и в мире, стало возможно только после Февральской революции[1].

[1] Заметим, однако, что над организацией газеты Горький стал работать еще осенью 1916 г. Называться она должна была «Луч». В январе—феврале 1917 г. (еще до революционных событий) Горький оповестил своих корреспондентов (В.Г. Короленко, В.Я. Брюсова, К.А. Тимирязева, В.В. Вересаева и др.) о предстоящем выходе

До Февральской революции Горький и его соратники были всецело сконцентрированы на журнале «Летопись». Несмотря на то что журнал этот выходил только раз в месяц, объем злободневной общественно-политической информации, которую, во-первых, нужно было заполучить, а во-вторых, спасти от строгих и бдительных цензоров, был настолько невелик, что периодичность «Летописи» вполне отвечала существовавшим тогда условиям. Однако уже к апрелю 1917 г. одной «Летописи» было явно недостаточно: на волне демократических свобод Горький решил, наконец, осуществить давний замысел и организовать еще и газету.

После начала Первой мировой войны в России была введена военная цензура. 9 марта 1917 г. Временное правительство ликвидировало основной центр царской цензуры — Главный комитет по делам печати — и ввело должность комиссара по делам печати. Но только 27 апреля 1917 г. вышло постановление Временного правительства «О печати». Декларировалось полное отсутствие цензуры. Выпускать новое периодическое издание мог отныне любой желающий — при соблюдении ряда условий.

Местному комиссару Временного правительства необходимо было предоставить заявление в двух экземплярах, где должно было быть указано:

а) место, где издание будет выходить;

б) название издания (научное, политическое, литературное, техническое и т.д.);

в) периодичность;

г) подписная цена;

д) фамилия, имя и отчество издателей и ответственных редакторов;

е) адрес типографии, где издание будет печататься.

Обо всех изменениях необходимо было сообщать в семидневный срок.

Ответственными редакторами могли быть только лица, проживавшие в России, достигшие совершеннолетия, обладавшие общегражданской правоспособностью и не ограниченные в правах по судебному приговору.

газеты, приглашал принять участие в новом издании, срочно присылать рассказы, стихи, статьи для него. Средства на газету обещали предоставить А.И. Коновалов и Э.К. Груббе. Редактором Горький хотел назначить М.В. Бернацкого. Горький писал: «Направление газеты радикально-демократическое, цель ее — обслуживать социально-политические интересы всех групп влево от кадет и вправо от социалистических партий. В дальнейшем газета мечтает о создании радикально-демократической партии, программа которой уже выработана. Будет очень широко поставлен национальный отдел <...>. Хочется сделать газету бодрой, удобочитаемой и веселой <...>» (Горький — В.Г. Короленко. 14 января 1917 г. // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2004. Т. 12. С. 102). Однако вместо «Луча» после Февральской революции появилась «Новая жизнь».

В выходных данных каждого периодического издания должны были быть указаны фамилия, имя и отчество ответственного редактора и издателя, адрес редакции и типографии.

Всякое периодическое издание (ежедневное — в трехдневный срок, а еженедельное или ежемесячное — в ближайшем номере) обязано было бесплатно, без каких бы то ни было изменений и примечаний размещать официальные опровержения Временного правительства и печатать их в том же отделе и тем же шрифтом.

Наконец, всякий желающий учредить типографию обязан был предоставить местному комиссару Временного правительства заявление, в котором должны были быть указаны фамилия, имя и отчество учредителя, адрес открываемого учреждения, предполагаемое количество рабочих и т.д.

В случае заведомо ложного указания заведения тиснения, издателя и ответственного редактора виновный подвергался денежному взысканию до 300 рублей или аресту до 3 месяцев.

Закрыть периодическое издание власть отныне могла только в судебном порядке, при этом — без применения силового воздействия, ибо в том же постановлении «О печати» прописывалось, что если периодическое издание *продолжает выходить в свет* без соблюдения требований, обозначенных выше, то издатель, ответственный редактор или типографщик подвергается денежному взысканию в размере не свыше 100 рублей за каждый вышедший номер, считая со дня обвинительного приговора.

Таким образом, закон о печати, принятый в России после свержения монархии, был наиболее либеральным за всю историю. Казалось, что цензуре и всякой борьбе с инакомыслием в России был положен конец.

Однако практика быстро внесла свои коррективы. Уже в мае Общество деятелей периодической печати и литераторов в Москве созвало общее собрание писателей и журналистов по вопросу «о насилиях над прессой» (захват типографий, нарушение свободы печати и др.). Резолюция собрания призывала к их прекращению. После июльского кризиса Временное правительство предоставило военному министру право закрывать издания, призывающие к военному бунту и неповиновению на фронте.

В апреле—августе 1917 г. «Новая жизнь» вела полемику с буржуазными изданиями — прежде всего, с кадетской газетой «Речь» (о «пораженчестве» Горького и всей газеты, о том, что деньги, переданные на издание «Луча», Горький использовал для создания «Новой жизни» и т.д.). В конце августа «Новая жизнь» подверглась еще более жестоким нападкам со стороны буржуазной печати, обвинявшей ее в «большевизме», «пораженчестве», связи с немцами, которые якобы и спонсируют газету.

Все эти слухи, домыслы, инсинуации возымели действие: Временное правительство сочло, что «Новая жизнь», даже если она и не связана напрямую с немцами, оказывает разлагающее влияние на армию. К применению санкций к газете Временное правительство, которое почувствовало свою слабость и реальную для себя опасность, безусловно, подтолкнул также Корниловский мятеж.

27 августа Верховным главнокомандующим Русской армией генералом от инфантерии Л.Г. Корниловым была предпринята попытка установления в стране военной диктатуры. «Новая жизнь» опубликовала обращение к населению А.Ф. Керенского. В № 115 «Новая жизнь» с огромным удовлетворением сообщала, что «мятежная попытка ген[ерала] Корнилова и собравшейся вокруг него кучки авантюристов остается абсолютно обособленной от всей действующей армии и флота»[2].

Несмотря на то что «всякую опасность для революции от кадетско-корниловской авантюры» «Новая жизнь» считала «вполне устраненной»[3], газета в конце августа обрушилась на Временное правительство с резкой критикой.

Во-первых, новожизненцы полагали, что «преступный заговор буржуазии еще не до конца ликвидирован», ибо «его главнейшие деятели еще на свободе»[4].

Газета выражала недовольство тем, что целый ряд военачальников и государственных деятелей, который сначала поддержал Корнилова, а затем, осознав провал его выступления, спешно от предателя отрекся: «Перед нашими глазами уже прошел целый ряд случаев, когда Вр[еменное] Правительство вступало в переговоры с теми, кому оно должно было приказывать, и оставляло на должности тех, кто еще вчера его предавал. <...> Два дня тому назад несколько главнокомандующих армиями прислали Вр[еменному] Правительству заявление, что они солидарны с генералом Корниловым; через 48 часов они изменили свое мнение, прислали изъявление покорности <...>. И они остались на своих местах, обязанные защищать ту же самую родину, которую они вчера без всяких оговорок отдали на распятие предприимчивому авантюристу»[5]. «Новая жизнь» требовала справедливого, «мужественного и сурового суда революции над врагами ее»[6].

Во-вторых, в столь тревожный для революции час газета поддержала большевиков и потребовала освобождения тех, кто был

---

[2] Ликвидация заговора // Новая жизнь. № 115. Среда, 30 августа (12 сентября) 1917 г. 31 августа мятеж окончательно ликвидировали.

[3] Перед решением // Там же. № 116. Четверг, 31 августа (13 сентября) 1917 г.

[4] Там же.

[5] На суд // Там же. № 116. Четверг, 31 августа (13 сентября) 1917 г.

[6] Там же.

осужден за мятеж 3—5 июля: «“Заговорщические полки”, <...> “преступные” кронштадтцы и моряки Балтийского флота, <...> рабочие Петербурга, которых <...> обезоружило Вр[еменное] Правительство, в минуту опасности встали на защиту его, забывши обиды <...>. И теперь братья сидящих в тюрьмах <...>, имеют полное право требовать их освобождения»[7].

В пятницу 1 сентября 1917 г. запланированный № 117 не вышел: издание «Новой жизни» было приостановлено на неделю[8].

Лишь в субботу 9 сентября «Новая жизнь» возобновила свое издание: «С сегодняшнего дня наша газета — опять “Новая жизнь”. <...> Запас маленьких Наполеонов далеко не исчерпан, плачевный провал Корниловского заговора далеко не всеми учтен. В виду этого положение левой социалистической прессы остается почти столь же шатким <...>. И да не удивится читатель, если через некоторое время наша газета, благодаря каким-либо новым причудам политического курса, будет опять вовлечена в невольный маскарад. Мы не можем утверждать, что этого впредь не случится. Мы можем только уверить, что под новыми масками, сколько бы их ни было, читатель всегда найдет все то же лицо»[9].

25—26 октября 1917 г. большевики организовали в Петрограде вооруженное восстание. Непосредственное руководство им осуществлял Военно-революционный комитет (ВРК) Петроградского Совета. Временное правительство было свергнуто.

28—29 октября один из главных критиков и самых непримиримых идейных противников Горького и его «Новой жизни» З.Н. Гиппиус писала в дневнике: «Все газеты оставшиеся (3/4 запрещены), вплоть до “Новой жизни”, отмежевываются от большевиков, хотя и в разных степенях. “Новая жизнь”, конечно, менее других. Лезет, подмигивая, с блоком, и тут же “категорически осуждает”, словом, обычная подлость <...>.

Газеты все задушены <...>. Красуется, помимо “Правды”, эта тля — “Новая жизнь” <...>» [Гиппиус, 2004, С. 597—598].

Несмотря на все «красование», как раз в ночь с субботы на воскресенье — с 28 на 29 октября — «Новая жизнь», по сути, впервые подверглась большевистской цензуре. Из редакционного сообщения, помещенного в № 166 (160), мы знаем, что поздно ночью часть наборщиков типографии «Новое время», где печаталась «Новая жизнь», стала чинить препятствия к опубликованию приказа

[7] Долг справедливости // Новая жизнь. № 116. Четверг, 31 августа (13 сентября) 1917 г.

[8] В 3 выпуске (1911 — октябрь 1917) «Летописи литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917)» (М.: ИМЛИ РАН, 2005) этот факт не отмечен.

[9] Новая жизнь. № 123 (117). Суббота, 9 (22) сентября 1917 г.

Керенского, обращения генерала П.Н. Краснова к казакам и некоторых заметок о заседании в Городской думе.

Никого из членов редакции в типографии в это время уже не было. Выпускающий газету техник заявил, что вмешательство посторонних лиц в редакционную часть газеты недопустимо. После этого в типографию явился комиссар местного района с вооруженным отрядом и «заявил, что по телефонограммам ВРК печатание приказа Керенского воспрещается, что же касается отдельных мест из сообщений о заседании городской думы, то это не допускается к печатанию до проверки правильности упоминаемых фактов.

Выпускающий газету пытался снестись по телефону с членами редакции, но в виду позднего времени (4 ч. утра) переговорить с ними не мог и потому не решался единолично приостановить выпуск газеты, подвергшейся цензуре.

Ознакомившись с происшедшим, редакция заявляет, что она категорически протестует против подобного самоуправства и в случае его повторения — **скорее закроет газету, чем подчинится насилию**»[10].

Горький и его ближайшие соратники — Суханов, Базаров, Строев, Тихонов и др., многие из которых входили в «Организацию социал-демократов-интернационалистов», — разделяли независимую социалистическую программу. Новожизненцы не признавали возможности победы социалистической революции в России и не принимали идеи диктатуры пролетариата. Они выступали за социалистическое коалиционное правительство, за Учредительное собрание, всеобщий демократический мир, земельную реформу и рабочий контроль. Потому сразу после Октябрьской революции Горький, находясь в тяжелом расположении духа, выступил против авантюризма большевистских планов.

6 ноября Горький был у врача И.И. Манухина, с которым также дружила чета Мережковских. «Он [Горький] производит *страшное* впечатление, — писала Гиппиус. — Темный весь, черный, “некочной”. Говорит — будто глухо лает. <...> Только все о своей статье которую уж он “написал”... для “Нов[ой] Жизни”... для завтрашнего №... Да черт в статьях! <...> Дима [Д.С. Мережковский] хотел уйти... Тогда я уж прямо к Горькому: никакие, говорю, статьи в “Нов[ой] Жизни” не отделят вас от б[ольшеви]ков, “мерзавцев”, по вашим словам; вам надо уйти из этой компании. И, помимо всей “тени” в чьих-нибудь глазах, падающей от близости к б[ольшеви]кам, — что он, спрашиваю, сам-то перед собой? Что говорит его *собственная* совесть?

Он встал, что-то глухо пролаял:

— А если... уйти... с кем быть?» [Гиппиус, 1990, с. 212—213].

[10] Новая жизнь. № 166 (160). Воскресенье, 29 октября (11 ноября) 1917 г.

На следующий день — 7 ноября — в «Новой жизни» вышла статья «К демократии», в которой Горький писал: «Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути “социальной революции” — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции»[11]. Ленин был назван «хладнокровным фокусником, не жалеющим ни чести, ни жизни пролетариата»[12]. В середине ноября Гиппиус расценила эту статью как «жалкий лепет. Весь Горький жалок, но и жалеть его — преступление»[13] [Гиппиус, 2004, с. 419]. Резко негативное отношение к газете Гиппиус сохранила и в дальнейшем.

9 ноября Совет народных комиссаров (СНК) принял Декрет о печати, который был утвержден на первом же заседании правительства. Декрет был опубликован 10 ноября в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства», «Известиях», «Правде».

Декрет был направлен против оппозиционной большевикам прессы, в первую очередь — буржуазной, которая считалась могучим оружием врагов новой власти. В Декрете подчеркивался его временный, чрезвычайный характер. В нем утверждалось, что всякие административные воздействия на печать со временем будут прекращены и что для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом.

Декрет не являлся обычным юридическим законом о печати — он не ликвидировал неугодную прессу, а лишь преследовал призывы к открытому сопротивлению власти, ложь и клевету. Тем не менее, можно констатировать, что наказание за «явно клеветническое извращение фактов», т.е. за неприемлемое для большевиков *толкование действительности*, которое утверждал Декрет, возобновляло цензуру, причем открывало для карательных действий весьма широкий простор[14].

---

[11] К демократии // Новая жизнь. № 174 (168). Вторник, 7 (20) ноября 1917 г.

[12] Там же.

[13] С неодобрением и недоумением статью Горького «К демократии» встретила далеко не только Гиппиус. Так, Л.Н. Андреев писал 14 ноября С.С. Голоушеву: «Теперешние противу-большевистские статьи <...> Горького — гнусности». А, например, В.Г. Короленко писал 16 ноября дочери: «Горький в “Новой жизни” спохватился и громит теперь большевиков» (Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 3 (1911 — октябрь 1917). М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 603).

[14] Недаром основная часть интеллигенции встретила Декрет о печати негативно. 26 ноября Союз русских писателей выпустил специальную однодневную «Газету-протест. В защиту свободы печати». Издание объединило представителей разных слоев интеллигенции: З.Н. Гиппиус, Е.И. Замятина, В.И. Засулич, В.Г. Короленко, Д.С. Мережковского, А.Н. Потресова, Ф.К. Сологуба, П.А. Сорокина и др. Вот названия некоторых статей этого издания: «Слова не убить», «Красная стена», «Осквернители идеала», «Протесты против насилий над печатью» и т.д. Со страниц этой газеты Гиппиус заявляла, что «отменена вся печать, кроме большевистской», а

Избежав закрытия как социал-демократическое издание, пусть и не отражавшее позицию большевиков, в ноябре 1917 г. «Новая жизнь» включилась в резкую полемику с большевистской печатью, прежде всего с «Правдой». В сущности «Новая жизнь» превратилась в оппозиционную газету.

Ратовавшая за последовательные социальные реформы и планомерное культурное строительство, «Новая жизнь» считала, что во имя достижения этих целей страну, — насколько это возможно — нужно оградить от серьезных политических кризисов. Тем не менее, действия взявших в свои руки власть большевиков часто подвергались со стороны «Новой жизни» беспощадной критике. Так, например, в № 173 (167) и 174 (168) вышли статьи Суханова «Кризис новой “власти”» и «Диктатура гражданина Ленина».

«Мы здесь [в Петрограде] живем в плену «*большевиков*» <...>. Житьишко невеселое и весьма раздражает, но — что же делать? Делать нечего, — писал Горький Е.П. Пешковой в конце января 1918 г. — ... претерпели самодержавие Романова, авось и Ульянова претерпим. <...> А “Новая жизнь”, вероятно, погибнет»[15].

В № 9 (223) от 13 января газета сообщала, что «автономная комиссия рабочих государственной типографии (быв. “Новое время”) взяла на себя без всякого указания советской власти роль добровольных цензоров “Новой жизни” и, признав <...> газету “погромной”, самовольно прекратила ее дальнейшее печатанье»[16]. Из-за этого несколько ближайших номеров «Новой жизни»[17] выходили меньшим тиражом и в сокращенном объеме.

5 января открылось первое и последнее заседание Учредительного собрания в Таврическом дворце в Петрограде. А уже 6 января СНК издал Декрет о роспуске Учредительного собрания, — Декрет этот «Новая жизнь» осудила.

29 января Петроградский совет принял «Временные правила о порядке издания всех периодических и непериодических печатных произведений в Петрограде». В первом же его параграфе декларировалось, что для издания печатных произведений всех видов не требуется никаких особых разрешений. Параграфы 2—5 в целом повторяли правила, установленные постановлением Временного

Сорокин увидел в закрытии враждебных Советской власти газет «возврат к средним векам», А. Редько — «убийство общественной мысли» [Галушкин, 1993, с. 80—83].

Декрет определял целую систему наказаний, включая штрафы, лишение свободы, политических прав, конфискацию в общенародную собственность типографий, полиграфического имущества лиц, привлеченных к суду. Большинство этих наказаний сразу стало использоваться на практике. «Новая жизнь» — для начала — была оштрафована на 50 тысяч рублей.

[15] Горький — Е.П. Пешковой. 26 января 1918 г. // Горький М. Указ. соч. С. 176.

[16] Новая жизнь. № 9 (223). Суббота, 13 (26) января 1918 г.

[17] Вплоть до № 16 (230) от 23 января (5 февраля) 1918 г.

правительства «О печати при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов»:

«2) Печатные произведения: газеты, журналы, брошюры, листки и т.п. должны выходить с указанием имени редактора, издателя и точного адреса редакции и конторы.

3) Издатели обязуются одновременно с выпуском печатного произведения из типографии в продажу присылать эти произведения с посыльным по 5 экземпляров: а) комиссариату по делам печати при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских депутатов по адресу: Смольный, комн. № 7; б) комиссару по делам печати при районном совете Рабочих и Солдатских Депутатов в пределах коего находится типография, где печатается издание.

4) Все издатели газет и журналов обязуются давать комиссариату по делам печати при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов и районным комиссарам точные сведения о тираже издания; о ежедневных — один раз в неделю, о еженедельных — один раз в месяц.

5) Все газеты обязаны немедленно печатать на первой странице, на видном месте, жирным шрифтом, полностью все те постановления и распоряжения Петроградского Совета и его исполнительных органов, которые будут доставлены газетам комиссариатом печати»[18].

Параграфы 6—12 сразу же вводили довольно жесткую систему штрафов, арестов и других видов наказаний за неисполнение указанных в первых пяти параграфах условий:

«6) За неисполнение указаний 2, 3, 4 и 5 сего декрета издатель подвергается наказанию в размере первый раз до 5000 руб.

7) Владельцы типографий обязуются на всех печатных произведениях: газетах, журналах, брошюрах, книгах, листках, афишах и т.п. помещать точный адрес типографии, где печаталось данное произведение.

8) За неисполнение указанного в № 7 владельцы типографий подвергаются прогрессивному денежному штрафу: первый раз 5000 руб., второй раз 10 000 руб., третий раз 15 000 руб. и т.д.

9) Газетные артели и уличные продавцы-газетчики обязуются торговать только теми изданиями, на которых имеется подпись редактора и издателя и адрес типографии.

Примечание: не подчинившиеся настоящему распоряжению после двукратного предупреждения лишаются прав на торговлю печатными произведениями.

10) Надзор за исполнением указанного в предыдущих 9 пунктах и за наложением штрафов возлагается на Комиссариат по делам

[18] Новая жизнь. № 25 (239). Пятница, 15 февраля (2 февраля) 1918 г.

печати при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов [...].

11) Штрафные денежные суммы поступают в Центральную денежную кассу Петр[оградского] Сов[ета] Раб[очих] и Солд[адтских] Деп[утатов].

12) Штрафные денежные суммы должны быть внесены в 3-дневный срок, в противном случае Советская власть приступает к конфискации имущества. В случае несостоятельности должника, таковой подвергается аресту для несения общественных работ за каждые 5000 руб. по три месяца»[19].

Далее во «Временных правилах о печати...», в отличие от постановления Временного правительства, прямым текстом прописывались правила, по которым будет осуществляться закрытие газет и типографий и конфискация имущества их владельцев:

«ЗАКРЫТИЕ И КОНФИСКАЦИЯ

1) Закрытию подлежат органы прессы: а) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству и Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, б) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов, в) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно-наказуемого характера.

2) Право предварительного закрытия и конфискации тех или иных печатных произведений принадлежит Комиссариату по Делам Печати при Петр[оградском] Сов[ете] Раб[очих] и Солд[адтских] Деп[утатов], с тем, чтобы материалы по обвинению издания в пятидневный срок были представлены Революционному Трибуналу печати для окончательного решения дела.

Примечание: В экстренных случаях, когда имеется налицо непосредственная контрреволюционная опасность, Комиссариат имеет право производить аресты состава редакции и издательства, а также опечатывать типографии.

3) Конфискация печатных произведений производится через Комиссариат по Делам Печати районных Советов Раб[очих] и Сол[датских] Депутатов по специальным ордерам.

4) При конфискации печатных произведений районными Комиссариатами печати выдаются соответствующие удостоверения, на основании которых конфискованное количество экземпляров не подлежит оплате торговцем-газетчиком издателю»[20].

Итак, во «Временных правилах о печати...» повторялась постановляющая часть Декрета о печати СНК. В конце документа значилось, что его правила распространяются на Петроград и его

[19] Новая жизнь. № 25 (239). Пятница, 15 февраля (2 февраля) 1918 г.

[20] Там же.

окрестности и вступают в силу с 14 (1 по старому стилю) февраля. Уже в № 26 (240) от 16 февраля 1918 г. «Новая жизнь» вынуждена была публиковать первое постановление Петроградского совета.

Вскоре новожизненцы раскритиковали «Временные правила о печати...». Помимо недовольства фактическим лишением права подвергать сомнению какое бы то ни было решение и действие власти, они указывали на явные недоработки этого документа: «Начнем с того, что даже неизвестна территория, на которую распространяются эти правила. Сказано, что <...> на Петроград и его окрестности. Но позвольте спросить, что такое окрестности. Ведь если правила о печати может издавать Петроградский совет, то такие же правила могут издавать и Кронштадтский, и Ораниенбаумский, и Царскосельский, и Петергофский, и другие советы. <...> И не грозит ли нам новая война между отдельными соседними советами за определение “сферы их влияний”?»[21].

Отношения между «Новой жизнью» и окончательно установившими свою диктатуру большевиками были прохладными и настороженными, но, по крайней мере, до мая—июня 1918 г. не открыто враждебными. При этом напряжение постоянно нарастало: политическая линия, которую проводила «Новая жизнь» после Октябрьской революции, вызывала все большее недовольство Советской власти.

3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан сепаратный мирный договор между Советской Россией и Германией. Еще до того, как состоялось официальное подписание, Суханов высказался за продолжение войны, а действия возглавляемой Троцким советской делегации расценил как капитуляцию. За его статью «Капитуляция», помещенную в № 30 (244) от 21 февраля 1918 г., «Новой жизни» грозило закрытие. В пятницу 22 февраля запланированный № 31 (245) не вышел.

«Нас [“Новую жизнь”] закрыли и — кажется — в воскресенье будут судить “за призыв к низвержению Советской власти”, — писал Горький в начале марта 1918 года. — Привлечены к суду Десницкий[22] и Суханов, но на скамью подсудимых сядет вся редакция: и Базаров, и я, и все прочие. Таково наше желание»[23].

Революционный трибунал печати действительно усмотрел в статье Суханова призыв к ниспровержению советской власти, но постановил, что выход газеты возможен с тем условием, что редакция известит читателей на первой полосе одного из номеров, что

[21] Правила о печати // Новая жизнь. № 29 (243). Среда, 20 (7) февраля 1918 г.

[22] Настоящая фамилия Строева.

[23] Горький — Е.П. Пешковой и М.А. Пешкову. Около 5 марта 1918 г. // Горький М. Указ. соч. С. 180. Суд не состоялся.

не разделяет точку зрения Суханова. В конце февраля 1918 г. «Новая жизнь» была приостановлена во второй раз в своей истории, теперь — на 8 дней. № 32 (246) вышел только в субботу 2 марта.

«Новая жизнь» писала: «Нас обвиняют в оппозиции Советской власти. Да, пока существует "Новая жизнь", в России, к несчастию для нее, еще не было такого правительства, к которому мы не относились бы резко отрицательно. Мы были в оппозиции ко всем революционным правительствам, и все они возмещали нам сторицею.

Нас закрывали Керенский с Пальчинским[24], когда Троцкий сидел в Петропавловке, а Ленин был в бегах. Нас закрыли Ленин с Троцким, когда Пальчинский в Петропавловке, а Керенский — в бегах. <...> Мы не обещаем быть всегда в оппозиции, мы не надеемся всегда быть предметом ненависти со стороны власть имущих. Ибо мы верим, что наступят лучшие дни и будет в России, наконец, создана такая власть, которая выведет страну на светлый путь к социализму и свободе»[25].

В конце концов «Новая жизнь» подчинилась требованию и опубликовала следующее сообщение:

«Редакция газеты "Новая жизнь" не согласна со взглядами, изложенными в статье Н. Суханова "Капитуляция" ("Н. Ж." № 30)»[26].

Важно отметить, что с середины марта 1918 г. начался постепенный отход Горького от политической линии газеты. Причиной этого было и несогласие с резко оппозиционными взглядами ведущих сотрудников газеты (Авилова, Базарова, Суханова и др.), и угроза закрытия издания. Горький все чаще стал замечать в жизни «кое-что утешительное», все чаще говорить о необходимости иметь точное представление, «что у нас есть хорошего, именно хорошего»[27].

---

[24] Пальчинский Петр Иоакимович (Акимович) (1875—1929) — российский инженер, экономист, политический деятель. Участвовал в Февральской революции, входил в состав Военной комиссии Временного комитета Государственной думы. В августе был противником выступления генерала Корнилова. 28 августа Керенский назначил Пальчинского помощником по гражданской части генерал-губернатора Петрограда и окрестностей. В октябре, в условиях начавшейся большевистской революции, стал помощником уполномоченного правительства по водворению порядка в столице Н.М. Кишкина, руководил обороной Зимнего дворца. 25 октября был арестован победившими большевиками и заключен в Петропавловскую крепость.

[25] Новая жизнь. № 32 (246). Суббота, 2 марта (17 февраля) 1918 г.

[26] От редакции // Там же. № 33 (247). Воскресенье, 3 марта (18 февраля) 1918 г. Критика «издержек революции» в «Новой жизни», однако, продолжилась, и далеко не только в статьях Суханова, но и Авилова, Рожкова, Громана, Лозовского, а также самого Горького. Его статья с осуждением Брестского мира вышла в № 47 (262) от 21 марта 1918 г.

[27] См.: Новая жизнь. № 59 (274), 91(306) и 92 (307) от 4 апреля (22 марта), 16 (3) и 17 (4) мая 1918 г.

В 20-х числах марта Горький писал Е.П. Пешковой: «Собираюсь работать с большевиками, на автономных началах. Надоела мне бессильная, академическая оппозиция “Н[овой] Ж[изни]”. Погибать, так там, где жарче, в самой “глубине” революции»[28].

Полемика с большевиками продолжалась в основном силами Суханова, Базарова, Рожкова. В начале апреля 1918 г. суть претензий новожизненцев к большевикам блестяще сформулировал Суханов: «Советская власть» <...> с самого начала, — писал он, — была только фирмой, только маркой власти большевистского партийного Центр[ального] Ком[итета].

<...> Большевистский Ц[ентральный] К[омитет] завладел всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти. И <...> он пользуется ею вполне самодержавно и неограниченно, на правах полной и безответственной диктатуры. Совет Народных Комиссаров, т.е. правительство Ленина, не отчитываясь ни перед какими советскими организациями, <...> предпринимает действия, далеко выходящие за пределы полномочий любого из современных монархов»[29].

В июне отношения между «Новой жизнью» и большевиками накалилась до передела. За статью Р. Григорьева «Война с Сибирью», напечатанную в № 114 (329) от 12 июня 1918 г., «Новая жизнь» подверглась третьему в своей истории приостановлению (на этот раз — на 4 дня) — Петроградский комиссариат по делам печати усмотрел в ней призыв к поддержке сибирского (белого) правительства и агитацию против борьбы с этим правительством.

№ 115 (330) вышел в воскресенье 16 июня 1918 г. Редакция с возмущением писала: «Советская власть осталась себе верна: в момент, когда вновь над революцией скопились грозовые тучи, первым ее судорожным движением было “додушить” то немногое из независимой печати, что еще осталось в живых.

Наступление, провозглашенное в <...> воззвании Сов[ета] Нар[одных] Комиссаров[30], началось с победоносного закрытия “Новой жизни”.

Ничего другого от власти, боящейся света и гласности, трусливой и антидемократичной, попирающей элементарные гражданские права, преследующей рабочих, посылающей карательные экспедиции к крестьянам, — нельзя было и ожидать.

---

[28] Горький — Е.П. Пешковой. Около 24 марта 1918 г. // Горький М. Указ. соч. С. 185.

[29] Новейшие завоевания советской власти // Новая жизнь. № 58 (273). Среда, 3 апреля (21 марта) 1918 г.

[30] Речь идет о воззвании, опубликованном после левоэсеровского вооруженного мятежа в Москве 6—7 июля 1918 г.

Не первый раз уже обречена “Новая жизнь” насильственному молчанию: ее закрывали Пальчинские, ее закрывают Зофы[31] и Володарские»[32].

15 июня Гиппиус писала в своем дневнике: «Кузьмин (заместитель Володарского) объявил, что соц[иластические] газеты будут закрывать без суда (уже закрыл), а на буржуазные накладывать штраф до полумиллиона, “они сами и сдохнут”. Уже наложил: на “Новую жизнь” 50 тысяч <...>» [Гиппиус, 2004, с. 476].

Политическая обстановка середины лета 1918 г. настолько обострилась (усиление гражданской войны, слившейся с интервенцией, тяжелое экономическое положение), что 16 июля 1918 г. — ровно через месяц после последнего приостановления — решением СНК «Новая жизнь» была снова закрыта, на этот раз — навсегда[33]: «16 июля в 6-м часу дня в редакцию газеты “Новая жизнь” <...> явился представитель комиссариата по делам печати и предъявил ордер, по которому Петроградское издание[34] “Новой жизни” закрыто навсегда» [Вайнберг, 1990, с. 8][35].

Горький подписал протест редакции и тотчас же апеллировал к Ленину, справедливо полагая, что без его ведома или согласия на эту акцию никто не решился бы.

«Дорогой Владимир Ильич! — писал Горький. — Вопрос о “Новой жизни” принял очень острую форму, рабочие и служащие требуют определенного ответа: будет “Н[овая] Ж[изнь]” или нет? Из помещения редакции латыши вытурили И.П. Ладыжникова, Гржебина, Базарова.

Очень прошу Вас — ответьте — по возможности скорее — разрешите Вы газету или нет? День стоит нам 10 тысяч.

Убедительно прошу Вас сказать — да или нет?»[36].

Письмо Ленину не помогло. Публицистов «Новой жизни» Ленин критиковал еще до Октябрьского переворота, не приемля ни их позиции по отношению к войне, ни их призывов к согласию социалистов разных оттенков. Тем более критицизм «якобы интернационалистов» стал, по мнению Ленина, неуместен в обстановке все обострявшегося внутреннего и внешнего положения[37].

---

[31] Зоф Вячеслав Иванович (1889—1937) — советский военный и государственный деятель. В июле 1917 г. по поручению ЦК РСДРП (б) Зоф организовал переезд Ленина под именем рабочего К.П. Иванова из Петрограда в Разлив и стал связным между Лениным и ЦК. С 1917 по 1918 г. работал председателем Совета фабзавкомов транспортных рабочих. В 1918 г. вступил в ряды РККА.

[32] Новая жизнь. № 115 (330). Воскресенье, 16 (3) июня 1918 г.

[33] Последний номер — № 139 (354). Вторник, 16 июля 1918 г.

[34] Московские издания газеты были закрыты еще раньше: «Новая жизнь» — 22 июня, «Свободная жизнь» — 6 июля 1918 г.

[35] См. также: Наш век. № 119. Среда, 17 июля 1918 г.

[36] Горький — В.И. Ленину. После 16 июля 1918 г. // Горький М. Указ. соч. С. 200.

[37] См. его статьи «О Стокгольмской конференции» и «Из дневника публициста» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 34. С. 98—116).

Члены Петроградского комиссариата советовались по вопросу закрытия газеты с Лениным, который ясно выразил свое отношение: «Конечно, “Новую жизнь” нужно закрыть. При теперешних условиях, когда нужно поднять всю страну на защиту революции, всякий интеллигентский пессимизм крайне вреден. А Горький — наш человек... Он слишком связан с рабочим классом и с рабочим движением, он сам вышел из “низов”. Он безусловно к нам вернется»[38].

В середине января 1919 г. Горький в письме обратился к Ленину с предложением возобновить газету: «...не находите ли Вы теперь удачным возобновление “Новой жизни”? Если — да, то хорошо бы, чтоб эта газета вышла одновременно с газетой меньшевиков, — настаивать на одновременности меня побуждают соображения отнюдь не материального характера»[39].

Газета меньшевиков «Всегда вперед» начала выходить 22 января 1919 г., но уже 26 февраля была закрыта постановлением ВЦИК. В первом пункте проекта резолюции ВЦИК, написанного Лениным, отмечалось, что статьей «Прекратите гражданскую войну» в номере от 20 февраля газета «окончательно доказала свое контрреволюционное направление»[40]. Вопрос же о возобновлении «Новой жизни» с тех пор больше не поднимался.

Итак, до окончательного закрытия в июле 1918 г. общественно-литературная социал-демократическая газета «Новая жизнь» трижды подвергалась временному приостановлению. В истории «Новой жизни» нашла отражение цензурная политика властей в революционной, постмонархической России.

Список литературы

Вайнберг И. Горький, знакомый и незнакомый // Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990.

Галушкин А.Ю. В защиту свободы печати: «Газета—протест», «Слову — свобода!», «Щит» // De Visu. 1993. № 4.

Гиппиус З.Н. Петербургские дневники. 1914—1919. Нью-Йорк; М., 1990.

Гиппиус З.Н. Черные тетради (1917—1919) // Гиппиус З.Н. Ничего не боюсь. М.: ВАГРИУС, 2004.

Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2004.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.

Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 3 (1911 — октябрь 1917). М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Поступила в редакцию
23.09.2013

[38] *Горький М.* Указ. соч. С. 534.

[39] Горький — В.И. Ленину. Около середины января 1919 г. // Горький М. Указ. соч. С. 214.

[40] Там же. С. 560.